

Орфей во тьме

Визит Йохена Ковальски в Россию

Мария БАБАЛОВА

Мировая мода на ультра-высокие мужские голоса возникла несколько десятилетий назад, когда Европу захлестнуло бурное увлечение аутентичным исполнением старинной музыки. В попытке заменить кастратов, для которых прежде всего и создавали свои оперы барочные композиторы, лирические тенора принялись штурмовать вершины женского альтового регистра. И сегодня мировую публику уже не слишком изумляет контраст между мужской плотью и «женским» голосом певцов, но выводимые ими виртуозные рулады и фиоритуры действуют магически и мгновенно стирают ухмылки с лиц слушателей.

Немец Йохен Ковальски уже долгие годы занимает положение самого звездного контртенора, чьи записи распространяются невиданными для классической музыки тиражами, а фан-клубы есть во всех частях света. Известным певца сделало сотрудничество со знаменитым режиссером Гарри Купфером, в спектаклях которого он творил бог весть что. Круг его интересов гораздо шире предписанной ему природой старинной музыки. Он знает Фелор в «Борисе Годунове» в опере Мусоргского и князь Орловский в оперетте Штрауса «Летучая мышь». Он поет много камерной музыки, особенно сейчас, когда его появления в опере становятся все более и более редкими: время безжалостно пожирает уникальный голос певца, и годы его мирового триумфа уже позади.

Первый раз Йохен Ковальски приезжал в Москву осенью 2000 года и пел для членов международного клуба «Друзей Русского музея» в окружении роскоши Оружейной палаты. Пару лет назад история с закрытой вече-

НАТАЛЬЯ ЛОТВИНОВА

ринкой повторилась. В Рахманиновском зале консерватории Ковальски выступал для сотрудников московского представительства одного из немецких автоконцернов. Нынешний концерт певца в Малом зале консерватории должен был стать его первым открытым появлением в России. Правда, не понятно, с какого перепуга в афише концерт певца значился под грифом «Вечер скрипичной музыки». То ли консерваторские начальники вавилонского столпотворения испугались и стали банально «шифроваться», то ли в головах «музыковедов» все перепуталось при обозначении голоса как «альт», на чем по не совсем понятному капризу настаивает сам Ковальски. Но в конце концов и этот концерт певца превратился в корпоративную вечеринку одной российской авиакомпании, которой, судя по всему, данное событие нужно было не для наслаждения искусством, а для какой-то «галочки».

Многие люди посчитали лишним на время концерта отключить свои мобильные телефоны. Зал оказался заполнен не больше, чем на

треть, и вышедший на сцену певец явно испытал шок от такого «аншлага». В зале потушили весь свет, и Ковальски практически в полной темноте начал петь свой фирменный репертуар — арии и канцоны Телеманна, Сарри, Перголези, Скарлатти, Генделя и Баха. Его голос часто перебивался долгими грубоватыми соло органа в исполнении дамы, совместившей амплуа аккомпаниатора, конферансье и администратора. Голос «бестелесного» ангельского тембра не всегда подчинялся певцу, но эмоция творчества ни разу его не оставила. В исполнении доминировали чарующая музыкальность и гламурное артистическое обаяние. Жаль, что у певца на сцене не было такого союзника, как великолепный канадский пианист Шелли Катц, с которым он обычно дает концерты. И все же запряженная в середине программы ария Орфея из оперы Глюка «Орфей и Эвридика», исполнение которой принесло певцу большую часть его мировой славы, стало той кульминацией концерта, что запоминается на всю жизнь.

Рус-музыка-2004-10-09-04-С.10